

Счастливое дитя.

Жилъ купецъ со своею купчихою;
Много было добра у нихъ всякаго,
Не послалъ имъ Господь только дѣточекъ.
Стали Божьей просить они милости,
Чтобы Онъ наградилъ ихъ наслѣдникомъ,—
Въ молодая лѣта утѣшеніемъ,
Въ годы старыя вѣрной подмогою.
На поминъ ихъ души, помираячи,
Собирать стали нищую братію,
Одѣлять ее хлѣбомъ да деньгами,
А потомъ еще вскорѣ надумали,
Въ пользу бѣднаго люда прохожаго,
Перекинуть чрезъ топь невылазную
Длинный мостъ изъ кленоваго дерева.
Поистратилъ купецъ денегъ множество,
А обѣщанный мостъ все-же выстроилъ
И, какъ только работы окончились,

Посылаетъ прикащика Ѳедора:

— „Сядь подъ мостъ, да внимательно выслушай,

„Чѣмъ помянутъ насъ люди прохожіе,—

„Благодарностью или укоризною?“

Ѳедоръ сѣлъ и внимательно слушаетъ:

Идутъ по мосту три святыхъ странника,

Говорятъ межъ собою довольные:

— „Чѣмъ разыскать намъ того благодѣтеля,

„Кто сей мостъ люду бѣдному выстроилъ?“

„Пусть дождется онъ сына счастливаго:

„Что ни скажетъ тотъ—пусть то и сбудется,

„Что помыслить—пусть то и исполнится“.

Возвратился прикащикъ къ хозяину...

— „Что-же, Ѳедоръ?“ тотъ сталъ его спрашивать.

— „Да толкуютъ такое все разное:—

„Для однихъ ты свершилъ дѣло доброе,

„Для другихъ—захотѣлъ потщеславиться!“

Въ тотъ-же годъ далъ купчихъ Богъ мальчика;

Окрестили и въ люльку положили.

Позавидовалъ Ѳедоръ хозяину.

Ночью темной, когда всѣ домашніе

Крѣпко спали, зарѣзалъ онъ голубя—

И бѣлье, ротъ и руки родильницы

Голубиной кровію выпачкалъ,

А ребенка укралъ и воспитывать

Отдалъ тотчасъ-же въ руки надежныя.

Утромъ сына хватились родители,
И прикащикъ купцу сталъ доказывать,
Что тотъ съѣденъ самою купчихою,
Такъ какъ вся она кровью замарана.
Не замѣтилъ купецъ хитрой выдумки
И въ тюрьму посадилъ мать невинную. —

Вотъ не мало годковъ уже минуло —
Подростать сталъ ребенокъ купеческій;
Бросилъ Федоръ купца, взялъ приемыша
И на взморьи жиле себѣ выстроилъ.
Говорить вотъ однажды онъ мальчику:
— „Попроси-ка ты, малый, у Господа,
„Чтобъ здѣсь царство создалося новое,
„Чтобъ отъ мѣста отъ этого самаго
„До роскошныхъ палатъ государевыхъ,
„Черезъ синее море глубокое,
„Мостъ хрустальный сейчасъ перекинулся
„И явилась столица богатая,
„Съ золотыми главами церковными,
„Съ росписными, узорными башнями,
„Съ теремами, хоромами царскими,
„Да чтобъ старшая дочь государева
„Отдана мнѣ была-бы въ замужество.“

Попросилъ мальчикъ Бога—и тотчасъ-же
Мостъ хрустальный повисъ надъ пучиною,
И явилась столица богатая

Съ теремами, церквами и башнями.
Утромъ царь, пробудившись, къ окошечку
Подошелъ, увидалъ мостъ диковинный
И спросилъ:—„Это чудо кто выстроилъ?
Называютъ строителемъ Федора.
—„Коли онъ такъ хитеръ, то я съ радостью
„Дочь-царевну ему дамъ въ супружество!“
И все дѣло немедленно сладили,
Обвѣнчали съ царевною Федора,
И сталъ царствовать онъ въ новомъ городѣ,
Помыкать бѣднымъ мальчикомъ всячески;
Не по силамъ работу наваливалъ.
Билъ, ругалъ сироту безо времени,
Въ коркѣ хлѣба иной разъ отказывалъ! —

Вотъ сидитъ какъ-то Федоръ съ царевною,
А мальченокъ забился по близости
И слезами въ углу обливается.
Говорить жена мужу:—„Откудова
„Тебѣ это богатство свалилося?
„Вѣдь ты прежде простымъ былъ прикащикомъ!“
—„Все богатство мое въ этомъ мальчикѣ,
„Скралъ котораго я у хозяина!“
—„Это какъ-же?“ Жена удивилася.
Сталъ ей Федоръ подробно рассказывать,
Какъ служилъ у купца онъ прикащикомъ
И купцу тому было обѣщано,

Что дождется онъ сына счастливаго
И что тотъ ни помыслить — то сбудется;
Какъ укралъ у купца того мальчика
И, чтобъ скрыть отъ людей преступленіе,
Обвинилъ во всемъ мать неповинную,
Будто съѣла она свое дѣтище.

Мальчикъ рѣчь эту Федора выслушалъ,
Подошелъ къ говорившимъ и вымолвилъ:
— „Негодяй, вотъ тебѣ наказаніе:
„Будь отнынѣ бездомной собакой!“
И мгновенно сталъ Федоръ собакою.
Мальчикъ взялъ его на цѣпь желѣзную
И отправился къ дому отцовскому.
Тотъ приходитъ и просить родителя
Дать ему разгорѣвшихся угольевъ —
Накормить ими пса отощавшаго.

Удивился купецъ: — „Гдѣ-же видано
„Чтобъ кормили собакъ жаркимъ угольемъ?“
— „А гдѣ видано то, чтобы матери
„Могли ѣсть свое кровное дѣтище?
„Узнавай поскорѣй меня, батюшка!
„Я — твой сынъ, а вотъ песъ этотъ мерзостный —
„Честный Федоръ, твой прежній довѣренный,
„Что лишилъ меня ласки родительской,
„Оболгалъ мою мать неповинную!“

Разспросилъ тутъ купецъ всѣ подробности,
Изъ темницы жену тотчасъ выпустилъ,
И потомъ всѣ втроемъ переѣхали
Жить въ то царство на взморьи, которое
По желанью ребенка явилось.
Дочь царя возвратилась къ родителю,
А прикащикъ, какъ былъ, такъ до старости
И остался собакой бездомною.

Сказка о Кощеѣ-бѣзсмертномъ.

Жилъ на свѣтѣ Василій царевичъ;
Три сестрицы при немъ проживали:
Марья, Ольга и Анна царевны.
Царь съ царицей недавно скончались
И предъ смертію сыну велѣли
Свадьбой дочекъ нимало не медлить,
А кто первый къ нимъ свататься будетъ,—
За того и отдать ихъ не мѣшкавъ.
Схоронивъ своихъ кровныхъ, царевичъ
И отправился съ сестрами въ рошу—
Поразмыкать тяжелое горе.
Вдругъ находитъ огромная туча,
Поднимается страшная буря;
Во дворецъ приглашаетъ царевичъ,
И лишь только до дому добрались—
Грянулъ громъ, потолокъ раздвоился,
И въ покой к нимъ влетѣлъ ясенъ-соколъ;
Въ ту-жъ минуту ударился о полъ,
Добрымъ молодцемъ вмигъ обернулся
И царевичу ласково молвилъ:
— «Прежде хаживалъ я къ тебѣ гостемъ,—

„Нынче-жъ вздумалъ пожаловать сватомъ:

„Дай въ замужество мнѣ Марью царевну.“

— „Коли любъ ей—бери ее съ Богомъ!“

Та въ мужья его взять согласилась.

Соколъ тутъ-же на ней обвѣнчался

И унесъ въ свое дальнее царство.—

Пробѣгаютъ часы за часами,

Быстро дни чередуются днями—

Года цѣлаго снова не стало.

Вышелъ съ сестрами въ рощу царевичъ:

Вотъ находить огромная туча,

Поднимается страшная буря;

Во дворецъ приглашаетъ царевичъ,

И лишь только до дому добрались —

Грянулъ громъ, потолокъ раздвоился,

И влетѣлъ къ нимъ орелъ сѣрокрылый.

Въ ту-жъ минуту ударился о-поль,

Добрымъ молодцемъ вмигъ обернулся,

И царевичу ласково молвилъ:

— „Прежде хаживалъ я къ тебѣ гостемъ, —

„Нынче-жъ вздумалъ пожаловать сватомъ:

„Дай въ замужество мнѣ Ольгу царевну.“

— „Коли любъ ей—бери ее съ Богомъ!“

Та въ мужья его взять согласилась.

Тутъ-же съ нею орелъ обвѣнчался

И унесъ въ свое дальнее царство.—

Минулъ годъ; вышелъ въ рощу царевичъ

Погулять съ своей младшей сестрицей;
Вновь находить огромная туча,
Съ громомъ, молніей, бѣшеннымъ вихремъ.
Во дворецъ приглашаетъ царевичъ,
И лишь только домой воротились—
Грянулъ громъ, потолокъ раздвоился,
И въ покой къ нимъ влетѣлъ черный воронъ;
Въ ту-жъ минуту ударился о-поль,
Добрымъ молодцемъ вмигъ обернулся,
И царевичу ласково молвилъ:
— „Прежде хаживалъ я къ тебѣ гостемъ,—
„Нынче-жъ вздумалъ пожаловать сватомъ:
„Дай въ замужество мнѣ Анну-царевну.“
— „Коли любъ ей—бери ее съ Богомъ!“
Вышла замужъ меньшая царевна,
И унесъ ее воронъ немедля
Во свое неизвѣстное царство.—
Одинокимъ остался царевичъ...
Прожилъ годъ, стосковался по сестрамъ
И поѣхалъ за ними на поискъ...
Бѣжалъ долго; вдругъ на полѣ видить—
Рать большая положена лоскомъ.
Громко крикнулъ Василій царевичъ:
— „Коль живой тутъ найдется—повѣдай,
„Кто побилъ это сильное войско?“
Отзывается голосъ ослабшій:
— „Побѣдила насъ Марья Моревна,

„Удалая краса-королевна.“—

Дальше ѣдетъ Василій царевичъ,
На шатеръ наѣзжаетъ на бѣлый,
Красоту-королеву встрѣчаетъ.

Говоритъ ему Марья Моревна:

— „Здравствуй, свѣтъ мой, Василій царевичъ!

„Ты куда въ путь-дорогу собрался,

„Доброй волею, аль по неволѣ?“

— „Добрый витязь неволей не ѣздитъ!“

Отвѣчаетъ Василій царевичъ.

— „Ну, твое коли дѣло не къ спѣху—

„Погости у меня хоть денечекъ.“

Согласился Василій царевичъ,

Прогостилъ два денька и двѣ ночи,

Полюбился красѣ-королевнѣ

И на ней обвѣнчался немедля.

Увезла его Марья Моревна

За лѣса и моря, въ свое царство...

Много-ль тамъ они прожили вмѣстѣ—

Собралась на войну королева,

Поручила супругу хозяйство

И велѣла присматривать всюду,—

Лишь чулана никакъ не касаться.

Не стерпѣлъ любопытный царевичъ;

Только съѣхала Марья Моревна,

Побѣжалъ онъ немедля къ чулану,

Дверь открылъ и со страхомъ увидѣлъ

Тамъ Кощея безсмертнаго, къ стѣнкѣ
Прикрѣпленнаго толстою цѣпью.

Сталъ Кощей умолять его слезно:

— „Дай, царевичъ, мнѣ, добрый, напиться!

„Десять лѣтъ я отъ жажды здѣсь мучусь—

„Все нутро у меня пересохло!“

Далъ царевичъ Кощею напиться...

Выпилъ тотъ три ведра и, почувявъ,

Что вернулась прежняя сила.

Отряхнулся—и цѣпь, словно нитка,

На мельчайшія части порвалась.

— „Ну спасибо, Василій царевичъ,“

Усмѣхнулся Кощей ядовито:—

„Не видать тебѣ Марьи Моревны!“

Страшнымъ вихремъ умчался въ окошко,

На дорогѣ нагналъ королевну,

Подхватилъ и унесъ въ свое царство.

А царевичъ расплакался горько,

Снарядился—и въ путь неизвѣстный

Поспѣшилъ за женою немедля.

Вотъ идетъ онъ и день, и недѣлю...

Видитъ: садъ и дворецъ богатѣйшій;

У дворца дубъ высокій, столѣтній,

На вершинѣ его ясенъ-соколъ.

Ясенъ-соколъ слетѣлъ на лужайку,

Головою ударился о-земь,

Добрымъ молодцемъ вмигъ обернулся

И царевичу весело молвилъ:

— „Здравствуй, шуринъ, Василій царевичъ!

„Какъ живешь и куда снарядился?“

Вышла изъ дому Марья царевна,

Брата встрѣтила съ честью и лаской,

Про житье, про бытъе разспросила.

Прогостилъ у нихъ три дня царевичъ,

Сталъ въ дорогу потомъ собираться:

— „Не могу я побыть у васъ дольше—

„Отыскать надо Марью Моревну.“

— „Мудрено отыскать ее, шуринъ,“

Отвѣчаетъ царевичу соколъ; —

„Золотую оставь-ка намъ ложку,

„Такъ, на случай и вмѣстѣ на память.“

Отдалъ ложку Василій царевичъ

И пошелъ себѣ дальше дорогой.

Вотъ идетъ онъ и день, и недѣлю...

Видитъ: садъ и дворецъ еще лучше,

У дворца дубъ высокій, столѣтній,

А на дубѣ орелъ сѣрокрылый.

Опустился орелъ на лужайку,

Головою ударился о-земь,

Добрымъ молодцемъ вмигъ обернулся

И вскричалъ: — „Живо, Ольга царевна,

„Выходи, милый братецъ пріѣхалъ!“

Прибѣжала царевна на встрѣчу,

Обнимать-цѣловать стала брата,

Про житье вызнавать, да здоровье.

Прогостилъ у нихъ три дня царевичъ

И потомъ въ путь-дорогу собрался:

— „Не могу я побыть у васъ дольше—

„Отыскать надо Марью Моревну.“

— „Мудрено отыскать ее, шуринъ,

Стѣбаетъ орелъ сѣрокрылый:—

„Золотую оставь-ка намъ вилку,

„Такъ, на случай и вмѣстѣ на память.“

Отдалъ вилку Василій царевичъ

И пошелъ себѣ дальше дорогой.

Вотъ идетъ онъ и день, и недѣлю...

Видитъ: садъ и дворецъ лучше первыхъ;

У дворца дубъ высокій, столѣтній,

А на дубѣ сидитъ черный воронъ.

Черный воронъ слетѣлъ на лужайку,

Головою ударился о-земь,

Добрымъ молодцемъ вмигъ обернулся

И вскричалъ:— „Живо, Анна царевна,

„Выходи,— милый братецъ пріѣхалъ!“

Прибѣжала царевна немедля,

Обнимать—цѣловать стала брата,

Про житье вызнавать, да здоровье.

Погостилъ у нихъ три дня царевичъ

И потомъ въ путь-дорогу собрался:

— „Не могу я побыть у васъ дольше—

„Отыскать надо Марью Моревну.“

— „Мудрено отыскать ее, шуринъ“.

Отвѣчаетъ царевичу воронъ: —

„Золотую оставь табакерку,

„Такъ, на случай и вмѣстѣ на память.“

Отдалъ имъ табакерку царевичъ

И пошелъ себѣ дальше дорогой.

Долго-ль шелъ онъ—про то мы не знаемъ—
Добрался до жены напослѣдокъ.

Съ крикомъ бросилась Марья Моревна

Къ мужу милому прямо на шею

И сквозь слезы его укорила:

— „Ахъ, зачѣмъ ты, Василій царевичъ,

„Отпустилъ на свободу Кощея!“

— „Ужъ не гнѣвайся, Марья Моревна;

„Что бывшее напрасно тревожить,—

„Собирайся-ка лучше, поѣдемъ—

„Можетъ статься, злодѣй не догонитъ!“

Собрались и уѣхали вмѣстѣ.—

Вотъ Кощей возвращается къ дому...

Вдругъ подъ нимъ добрый конь спотыкнулся.

— „Ты чего спотыкаешься, кляча?

„Али чуешь какую невзгоду?“

Говорить ему конь богатырскій:

— „Безъ тебя былъ Василій царевичъ

„И увезъ съ собой Марью Моревну.“

— „А догнать ихъ теперь еще можно?“

— „Можно поле засѣять пшеницей,

„Подождать, пока колосья созрѣютъ,
„Хлѣбъ убрать, смолотить и провѣять,
„Измолоть, пироговъ наготовить,
„Ихъ поѣсть и тогда ужъ въ погоню
„Отправляться—и то мы поспѣемъ!“

Снарядился Кощей въ путь обратный,
Вихремъ бурнымъ въ погоню помчался
И царевича вскорѣ настигнулъ:

—„Въ первый разъ, такъ и быть, я прощаю
„За твою ко мнѣ милость и ласку,
„И въ другой разъ меня не опасься,
„Но ужъ въ третій—въ куски искромсаю!“
Отобралъ отъ него королевну
И унесъ ее тотчасъ изъ виду.

Сѣлъ печальный царевичъ на камень,
Горько всплакалъ и снова на поискъ
За женою любимой пустился.
Отыскалъ, и узнавъ отъ прислуги,
Что Кощей на охоту уѣхалъ,
Сталъ съ собою звать Марью Моревну.

—„Ахъ, царевичъ, Кощей насъ догонитъ!“
—„Ну, догонитъ, за то хоть немного
„Мы съ тобою на волѣ побудемъ!“
Собрались и уѣхали вмѣстѣ.

Вотъ Кощей возвращается къ дому...
Вдругъ подъ нимъ добрый конь спотыкнулся.
—„Ты чего спотыкаешься, кляча?

„Али чуешь какую невзгоду?“

Говорить ему конь богатырскій:

„Безъ тебя былъ Василій царевичъ

„И увезъ снова Марью Моревну.“

— „А догнать ихъ теперь еще можно?“

— „Можно поле ячменемъ засѣять,

„Подождать, пока колосъ созрѣетъ,

„Хлѣбъ убрать, обратить его въ солодъ,

„Наварить пива крѣпкаго вволю,

„Имъ напиться, всхрапнуть молодецки—

„И тогда отправляться въ погоню;

„Бѣглецовъ захватить мы успѣемъ!“

Снарядился Кощей въ путь обратный,

Вихремъ бурнымъ въ погоню помчался

И царевича вскорѣ настигнулъ.

— „Говорилъ-вѣдь тебѣ: не увидишь,

„Какъ ушей своихъ, Марьи Моревны!“

Отобралъ отъ него королевну

И унесъ ее мигомъ изъ виду.

Сѣлъ царевичъ печальный на камень,

Горько всплакалъ и снова на поискъ

За женою любимой пустился.

Отыскалъ и, узнавъ отъ прислуги,

Что Кощей на охоту уѣхалъ,

Сталъ съ собою звать Марью Моревну.

— „Ахъ, царевичъ, Кощей насъ догонитъ

„И тебя на кусочки изрубитъ!“

— „Ну, пускай меня рубить, какъ хочетъ —

„Безъ тебя мнѣ житье ужъ какое?“

Собрались и уѣхали вмѣстѣ.

Вотъ Кощей возвращается къ дому,

Вдругъ подъ нимъ добрый конь спотыкнулся.

— „Ты чего спотыкаешься, кляча?

„Али чуешь какую невзгороду?“

Говорить ему конь богатырскій:

„Безъ тебя былъ Василій царевичъ

„И увезъ снова Марью Моревну.“

Разозлился Кощей и немедля

Вихремъ бурнымъ понесся въ погоню

И царевича вскорѣ настигнулъ.

Искрошилъ его тутъ-же въ кусочки,

Положилъ ихъ въ дубовую бочку,

Засмолилъ и швырнулъ ее въ море.

Въ ту-жъ минуту царевича вещи,

Что оставилъ зятьямъ онъ на память,

Потускнѣли, подернувшись дымкой.

— „Ой, бѣда видно съ нимъ приключилась!“

Говорятъ зятя, испугавшись.

Собрался вмигъ орелъ къ синю-морю,

Бочку выхватилъ живо на берегъ.

Полетѣлъ за живой водой соколъ,

Черный воронъ понесся за мертвой.

Воротились всѣ трое на берегъ,

Вскрыли бочку, обмыли кусочки

И сложили ихъ всѣ по порядку.
Воронъ взбрызнулъ ихъ мертвой водою—
Тѣло мигомъ срослось, сѣдинилось;
Соколъ взбрызнулъ водою живою—
И царевичъ вздохнулъ, потянулся,
Тихо молвивъ:— „Проспалъ же я долго!“
— „А безъ насъ ты проспалъ-бы и дольше!“
Затеваъ тутъ ему объяснили:
„Къ намъ теперь собирайся-ка въ гости.“
— „Нѣтъ, друзья! мнѣ за Марьей Моревной
„Надо ѣхать скорѣе на поискъ.“
Розыскалъ и узнать ее просить,
Гдѣ конемъ злой Кощей раздобылся?
Королева сыскала минутку,
Что Кощей былъ особенно веселъ,
И пытать его всячески стала.
Разсказалъ ей Кощей свою тайну:
— „За морями, въ невѣданномъ царствѣ,
„За широкой рѣкой огневою,
„Злая баба-яга проживаетъ;
„Кромѣ цѣлаго, чуднаго стада,
„Есть у бабы-яги кобылица,
„На которой она каждодневно
„Бѣлый свѣтъ весь кругомъ объѣзжаетъ.
„Я три дня кобылицъ караулилъ,
„Ни одной не утратилъ лошадки,
„И за то отъ хозяйки въ награду,

„Уходя, получилъ жеребенка.“

— „Ну, а какъ-же рѣку переѣхалъ?“

— „А такой я имѣю платочекъ:

„Какъ махну имъ три раза направо—

„Живо мостъ превысокій повиснетъ,

„И огонь до него не достанетъ.“

Все, что вызнала, Марья Моревна

Тотчасъ мужу путемъ рассказала,

У Кощея украла платочекъ

И царевича имъ наградила.

Тотъ рѣку перешелъ огневую,

И за бабой-ягою на розыскъ

Поспѣшилъ черезъ степи и горы.

Долго шелъ онъ, не пивши, не ѣвши,—

Попадается птица съ птенцами...

— „Заморю-ка я птенчикомъ голодъ!“

— „Нѣтъ, не трогай, Василий царевичъ,“

Умоляетъ испуганно птица:—

„Пригожусь я тебѣ, можетъ статься!“

Вотъ идетъ себѣ дальше царевичъ.

И увидѣлъ вдругъ улей пчелиный:

— „Дай попробую свѣжаго меду!“

— „Нѣтъ, не пробуй, Василий царевичъ,“

Отозвалась пчелиная матка,—

„Пригожусь я тебѣ, можетъ статься!

Тотъ послушался, меду не тронулъ

И пошелъ себѣ дальше дорогой.

Вотъ встрѣчается львица со львенкомъ:

— „Сѣмъ хотъ львенка, а то съ голодухи

„Я ужъ ногъ подъ собою не чую!“

— „Нѣтъ, не трогай, Василій царевичъ,“

Умоляетъ испуганно львица:—

„Пригожусь я тебѣ, можетъ статья!“

Тотъ послушался, львенка не тронулъ

И побрелъ себѣ дальше, голодный.

Шель да шель—видитъ домъ яги-бабы:

Вкругъ двѣнадцать поставлено кольевъ

И на всѣхъ, исключая послѣдній,

Черепъ человѣчьи надѣты.

— „Здравствуй, бабушка!“ — „Здравствуй, царевичъ!“

„По нуждѣ, аль по волѣ явился?“

— „За конемъ я пришелъ богатырскимъ.“

— „Что-жъ, изволь! Заслужить только надо;

„И не въ годъ, а всего въ три денечка.

„Упасешь кобылицъ—дамъ лошадку,

„А коль нѣтъ—съ головою прощайся;

„Быть ей тотчасъ на спицѣ порожней!“

Согласился Василій царевичъ.

Напился и наѣлся до сыта,

Ночь проспалъ и съ зарею все стадо

Въ лугъ зеленый на пастбище выгналъ.

Только выгналъ—всѣ врозь кобылицы,

Съ звонкимъ ржаньемъ, какъ вихрь, разбѣжались —

И мигнуть не успѣлъ нашъ царевичъ!

Запечалился онъ, да заплакалъ,
Сѣлъ на камень и съ горя забылся.
На закатѣ является птица
И Василья царевича будить:
„Пробудись, кобылицы ужъ дома.“
Всталъ царевичъ, домой воротился,
А тамъ баба-яга, съ пѣной у рта,
Кобылицъ и пушить, и ругаетъ:
— „Какъ вы смѣли домой воротиться?“
— „Да куда-же намъ было дѣваться:
„Налетѣли со всѣхъ сторонъ птицы,
„И давай насъ клевать, словно мясо!“
— „Ну, на завтра въ луга не ходите,
„А бѣгите въ лѣса вѣковые.“
Переспалъ ночь вторую царевичъ
И до солнышка стадо все выгналъ.
Только выгналъ—всѣ врозь кобылицы
По дремучимъ лѣсамъ разбѣжались.
Запечалился снова царевичъ,
Сѣлъ на камень и съ горя забылся.
Прибѣгаетъ предъ вечеромъ львица
И Василья царевича будить:
— „Пробудись, кобылицы всѣ дома.“
Всталъ царевичъ, домой воротился,
А тамъ баба-яга еще пуще
Кобылицъ и пушить, и ругаетъ:
— „Какъ вы смѣли домой воротиться?“

— „Да куда-же намъ было дѣваться?
„Окружили насъ лютые звѣри,
„Чуть на смерть весь табунъ не загрызли!“
— „Ну, вы завтра въ лѣса не ходите,
„А бѣгите всѣ въ синее море.“
Переспалъ третью ночьку царевичъ
И до солнышка стадо все выгналъ.
Только выгналъ—изъ глазъ кобылицы
Мигомъ скрылись и въ синее море
Забѣжали, ставъ въ воду по шею.

Запечалился снова царевичъ,
Сѣлъ на камень и съ горя забылся.
Только солнце за лѣсъ опустилось,
Прилетаетъ пчелиная матка
И Василья царевича будить:
— „Пробудись, кобылицы всѣ дома;
„Какъ придешь—отправляйся въ конюшню
„И подъ ясли въ солому заройся.
„Есть у бабы-яги жеребенокъ,
„Хуже всѣхъ и въ грязи перепачканъ;
„Ты украдь его въ полночь глухую
„И бѣги отъ яги безъ оглядки.“

Всталъ царевичъ, пробрался въ конюшню
И подъ ясли зарылся въ солому;
Слышитъ: баба-яга, съ пѣной у рта,
Кобылицъ и пушитъ, и ругаетъ:
— „Какъ вы смѣли домой воротиться?“

— „Да куда же намъ было дѣваться:
„Налетѣли со всѣхъ сторонъ пчелы,
„И давай насъ безжалостно жалить!“
Вскорѣ баба-яга захрапѣла,
А царевичъ, дождавшись полночи,
Изъ конюшни укралъ жеребенка,
Осѣдлалъ и быстрѣе, чѣмъ вѣтеръ,
На рѣку огневую помчался.
Прискакавши, платочкомъ Кощея
Помахалъ троекратно направо—
И повисъ въ тотъ же мигъ надъ рѣкою
Мостъ высокій, широкій и прочный.
Переѣхалъ царевичъ по мосту,
Размахнулся платочкомъ налѣво—
Мостъ вдругъ сдѣлался тонкимъ-претонкимъ.

Утромъ баба-яга пробудилась
И, замѣтивъ въ конюшнѣ пропажу,
Во весь духъ понеслася въ погоню;
Мчится въ ступѣ, пестомъ погоняетъ,
Помеломъ свѣжій слѣдъ замечаетъ.
На рѣку огневую примчалась—
Видитъ: мостъ чрезъ нее перекинутъ;
Стала вѣдьма мостомъ пробираться,
Но какъ только достигла середины—
Мостъ внезапно подъ ней обломился.
Въ пекло баба-яга провалилась
И погибла въ немъ лютою смертию.

Жеребенка Василий царевич
Откормилъ во лугахъ во зеленыхъ
И поѣхалъ за Марьей Моревной.
Та отъ радости, съ крикомъ и плачемъ,
Мужу бросилась тотчасъ на шею:

— „Какъ? Откуда? Какими судьбами?“

Все повѣдалъ ей тутъ-же царевичъ
И съ собою сталъ звать королевну.

— „Ой, опасно, Василий царевичъ;

„Снова схватить Кощей и изрубить!“

— „Нѣтъ, не схватить! мой конь, словно птица!“

„Выше горъ и лѣсовъ пролетаетъ!“

Сѣли на-конь и быстро помчались.

Вотъ Кощей возвращается къ дому,
Вдругъ подъ нимъ добрый конь спотыкнулся.

— „Ты чего спотыкаешься, кляча?

„Али чуешь какую невзгону?“

Говорить ему конь ботатырскій:

„— Безъ тебя былъ Василий царевичъ

„И съ собою увезъ королевну.“

— „А догнать ихъ теперь еще можно?“

— „Ну, наврядъ: у царевича нынѣ

„Конь быстрѣ меня и сильнѣ.“

Но Кощей не стерпѣлъ—и въ погоню

Полетѣлъ за красой-королевной.

Кое-какъ ихъ настигъ, изловчился

И занесъ было мечъ свой тяжелый,

Чтобъ въ куски изрубить супостата.
Но царевичевъ конь въ ту-жъ минуту
Такъ ударилъ Кощея копытомъ,
Что разнесъ его черепъ на части.

Склалъ царевичъ громадный кострище,
Сжегъ на немъ лиходѣя-Кощея
И пустилъ его пепелъ по вѣтру.
Послѣ, рядышкомъ съ Марьей Моревной,
Покатилъ къ зятевьямъ на побывку;
Тамъ ихъ встрѣтили, словно воскресшихъ.

— „Ну, не чаяли мы тебя видѣть!
„Да не даромъ себя ты и мучилъ.
„Вѣдь такой красоты небывалой,
„Какъ жена твоя Марья Моревна,
„Хоть весь свѣтъ обыщи—не отыщешь!“

Погостили они, отдохнули,
И въ свое государство вернулись.
Тамъ, въ любви и всегдашнемъ совѣтѣ,
Стали жить-поживать не горюя,
Да дѣтишекъ растить, не балуя.

